

оригинальная статья

«Люди плачут, а меня смех берет»: протестная реакция спецпоселенцев Томской области на смерть И. В. Сталина

Ольга Вячеславовна Филиппенко

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, г. Новосибирск, <https://orcid.org/0000-0001-9287-196X>; olga.kanyshkova@mail.ru

Поступила в редакцию 16.10.2021. Принята после рецензирования 08.12.2021. Принята в печать 13.12.2021.

Аннотация: В статье поднимается проблема активизации протестных настроений спецпоселенцев Томской области в первые месяцы после получения ими известия о болезни и последующей смерти И. В. Сталина (март-апрель 1953 г.). Исследование базируется на спецсообщениях Управления МГБ по Томской области, зафиксировавших различные формы «антисоветского» поведения депортантов. Их анализ показывает степень адаптивности спецпоселенцев к требованиям власти и позволяет оценить их способность придерживаться установленных политических ритуалов по имитации своей лояльности к системе, даже в тех ситуациях, когда позиции режима явно ослабли. Посредством анализа санкций, наложенных на спецпоселенцев, дается характеристика поведения работников местных карательных структур в условиях практически полного отсутствия инструкций. Исследование завершается выводом, что «антисоветское» поведение депортантов являлось не столько целенаправленным протестом, сколько иррациональной реакцией отдельных депортантов на экстраординарное событие. Реакция сотрудников регионального отделения МГБ на подобные действия соответствовала не новому курсу советской политики, а сформированным на протяжении сталинской эпохи поведенческим шаблонам, согласно которым нарушители выявлялись, а затем жестко и показательно наказывались.

Ключевые слова: спецпоселение, этнические депортации, поздний сталинизм, протестное поведение

Цитирование: Филиппенко О. В. «Люди плачут, а меня смех берет»: протестная реакция спецпоселенцев Томской области на смерть И. В. Сталина // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 920–928. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-920-928>

Введение

Смерть И. В. Сталина потрясла все советское население, разрушила привычный порядок жизни и ознаменовала собой конец эпохи. Царившие в обществе настроения неопределенности ярко переданы в воспоминаниях Ривки Рабинович, бывшей ссыльнопоселенки, депортированной из Латвии в Томскую область в 1941 г.: «Сталин был постоянным фактором в нашей жизни, подобно восходу и закату солнца. Казалось, что порядок мироздания поколебался. Один из официальных лозунгов пропаганды гласил: "Ленин всегда с нами". Хотя этот лозунг можно было видеть везде, даже в классах школы, присутствие Ленина мы не ощущали, он лежал в мавзолее и никому не мешал. В противоположность этому Сталин действительно был всегда с нами. Народ привык к тому, что все делается по указаниям "сверху". На каждом уровне свой "верх" – сельский, районный, областной, республиканский, всесоюзный. А всесоюзный верх – это Сталин. Такова структура власти. И вдруг верха этой структуры больше нет. Кто же будет управлять страной? Неизвестность внушала страх» [1, с. 180]. В атмосфере неопределенности оказались не только рядовые граждане, но и представители власти, привыкшие неукоснительно выполнять указания центра, но вынужденные действовать в условиях их фактического отсутствия.

В историографии смерть И. В. Сталина рассматривается, прежде всего, как начало нового периода советской

истории. По этой причине акцент в анализе ставится не на первоначальной реакции граждан на это событие, а на его долгосрочных последствиях. В то же время достаточно подробно рассматриваются баталии, развернувшиеся в высших кругах власти в марте 1953 г. Среди биографов И. В. Сталина ведутся активные, хотя и не всегда беспристрастные, дискуссии о причинах его смерти и хронологии событий на даче в Кунцево [2, с. 487–497; 3; 4, р. 861–868; 5, р. 1–35; 6, р. 700–743; 7, с. 199–223; 8; 9; 10, с. 103–108; 11]. Эволюция идеологических установок и другие изменения, произошедшие в обществе в три первых месяца после смерти вождя, все еще остаются плохо изученными.

Однако в историографии есть отдельные статьи, заслуживающие особого упоминания. А. П. Куропаткин, проанализировав изменения советской пропаганды весны 1953 г., пришел к выводу, что уже в течение первых ста дней после смерти И. В. Сталина произошел отказ от культа личности вождя и усилилось «безличное» направление в советской идеологической политике [12, с. 168]. Однако, по мнению историка, этого времени было недостаточно для того, чтобы рядовые граждане приняли изменения: люди продолжали жить по ранее сформированным канонам [13, с. 100–101]. Это отчасти противоречит мнению Ю. А. Зуляра, отметившего, что десталинизация в вузах Иркутска начала ощущаться уже весной 1953 г., что проявилось

в прекращении идеологических кампаний и поисков носителей «чуждых» взглядов, а также снятии наложенных партийных взысканий [14, с. 233]. Рассматривая траурные мероприятия весны 1953 г. как полноценную идеологическую кампанию, Ю. В. Костяшов пришел к выводу, что партийные организации и комитеты всех уровней практически не функционировали в течение месяца после смерти вождя. По этой причине на территории Калининградской области практически не проводилось митингов, собраний и пикетов, кампания ограничивалась публикацией различных траурных материалов на страницах газет и выпуском тематических радиопрограмм [15, с. 81]. Подобные тенденции были характерны для Новочеркасска, где в течение марта 1953 г., парткомитет города заседал трижды, но вопрос о И. В. Сталине не поднимался [16, с. 62]. Иная ситуация сложилась в Кемеровской области: согласно данным Е. С. Гениной и М. М. Колязимовой, там проходили многочисленные траурные шествия, на которых присутствовало более 900 тыс. человек [17, с. 148]. Подобные выводы были сделаны В. А. Король в отношении Белорусской ССР [18, с. 195–196]. Эти диаметрально противоположные сведения показывают, что местные власти по-разному отреагировали на текущую атмосферу неопределенности. Одни были настолько деорганизованы, что практически не предприняли никаких мер по организации траурных мероприятий, другие, напротив, сумели относительно быстро сориентироваться и мобилизовать население.

Проблема активизации протестного поведения советского населения в марте 1953 г. была рассмотрена в комментариях к сборнику документов, посвященному инакомыслию в СССР 1953–1982 гг. Автор вступительной статьи к нему В. А. Козлов отметил, что сразу после смерти вождя власти по старой привычке провели репрессивную кампанию для поддержания общества в напряженном состоянии. По ее итогам были арестованы отдельные лица, забывшие на мгновение о «правилах безопасности» и позволившие себе сказать что-то нелицеприятное об усопшем вожде. При этом историк подчеркнул, что подобное протестное поведение было скорее исключением, чем правилом. В целом публичное выражение своего негативного отношения к И. В. Сталину рядовые граждане воспринимали как кощунство. В этой связи лица, вставшие весной 1953 г. на сторону протеста, рассматриваются В. А. Козловым как одиночки, выступившие против «коллектива» лояльных подданных. Для молчаливого большинства они были изгоями и врагами, подлежащими заслуженному наказанию [19]. Схожие паттерны поведения были характерны для граждан дружественных СССР стран, например Китая [20, с. 81–85].

В рамках настоящей статьи большое внимание уделяется протестным реакциям спецпоселенцев на смерть И. В. Сталина, поскольку они показывают, насколько сильно «неблагонадежные» элементы усвоили установленные в советской системе правила игры. Другими словами, если будет доказано, что депортанты даже в ситуации, когда власть явно ослабла, а население ожидало серьезных изменений, продолжали придерживаться ритуала или по крайней мере имитировать лояльность к системе, то можно предположить, что они были способны адаптироваться к существовавшим требованиям. Не менее важна и реакция региональных властей на протестное поведение спецпоселенцев: анализ санкций, наложенных на нарушителей правопорядка, покажет, действовали ли сотрудники надзорных органов в соответствии со старыми поведенческими шаблонами, и насколько они были готовы защищать старый порядок. Это в свою очередь актуализирует проблему функционирования диктатур в кризисных ситуациях. Исходя из этого, цель настоящей статьи была сформулирована следующим образом: выявить основные формы протестного поведения, характерные для спецпоселенцев в марте-апреле 1953 г., и сопоставить с последующими за ними наказаниями.

Основу источниковой базы исследования составляют спецсообщения, направленные начальником управления МГБ по Томской области Н. С. Великановым секретарю Томского обкома КПСС И. А. Смольянинову¹. Источники датируются преимущественно 7–14 марта 1953 г. и содержат описания фактов «антисоветской» деятельности правового населения и спецпоселенцев, произошедших, как правило, 4–8 марта. В рассматриваемых документах описано 20 случаев протестного поведения депортантов, и в качестве их участников поименно называются 26 человек. Кроме того, было обнаружено одно спецсообщение, в котором фигурирует восемь выдержек из частных писем спецпоселенцев². Несмотря на крайне низкую репрезентативность используемых документов (всего на 1 июля 1950 г. на территории Томской области было расселено 56604 спецпоселенца³), данный источник представляется крайне ценным, поскольку показывает едва ли не первую реакцию депортантов на рассматриваемые события, что отличает его, например, от воспоминаний.

Фигурирующие в спецсообщениях лица были сопоставлены с книгой памяти по Томской области⁴. В результате этого была не только дополнена формальная информация о жизни депортантов, но и частично прослежена их дальнейшая судьба. Помимо этого, в базе воспоминаний, собранной мемориальным музеем «Следственная тюрьма НКВД» г. Томск, было обнаружено интервью с одним

¹ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 207–216, 225–230, 252–256, 262–266, 310–315.

² Там же. Л. 270–272.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 556. Л. 16.

⁴ Боль людская: Книга памяти томичей, репрессированных в 1930-е – начале 50-х годов / под ред. В. Уйманова. Томск: Изд-во Томского университета, 2016. Т. 1–3.

из спецпоселенцев, который упоминается в спецсообщениях, Самуилом Львовичем Зиссером⁵. Интервью взял Аба Таратута в Иерусалиме в марте 2003 г., когда С. А. Зиссеру было 82 года. Спецпоселенец родился в Москве, его отец был евреем и лесопромышленником из Риги, мать – немкой. После вхождения Латвии в состав СССР отец С. А. Зиссера был направлен в лагерь на 10 лет, а он вместе с матерью был выслан на север Томской области, в Колпашево, где работал скрипачом. После войны он получил разрешение на выезд в Томск, где трудоустроился в местной филармонии. 9 марта 1953 г. он вместе с матерью был арестован за контрреволюционный саботаж и уже 11 июня 1953 г. был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Впоследствии в ходе пересмотра дела срок заключения был снижен до 10 лет. В 1973 г. он с семьей эмигрировал в Израиль. Это интервью позволило понять, какая личность стояла за формальными документами МГБ.

Состав «протестующих» спецпоселенцев

Возраст названных в спецсводках МГБ депортантов представлен в табл. 1⁶. По большей части протестное поведение было характерно для тридцати- и сорокалетних депортантов. Только одному спецпоселенцу в момент высылки было девять лет, еще двоим – 17 и 19 лет. Следовательно, обвиненные в «антисоветской» деятельности депортанты имели богатый жизненный опыт и уже выработанные модели поведения. Им, по сравнению с поколением, выросшим в спецпоселках, было намного труднее принять новые правила жизни.

При анализе гендерного состава исследуемой группы спецпоселенцев был выявлен перекоп в пользу мужчин (61,5 %). Это не обязательно было связано с тем, что мужчины

были более склонны к выбору протестной модели поведения. Во-первых, работники МГБ могли чаще фиксировать «антисоветскую» деятельность мужчин, обращая меньше внимание на протестное поведение женщин. Во-вторых, описывая враждебные настроения всей семьи, органы МГБ могли приводить в пример только высказывания главы семьи, которыми чаще всего являлись мужчины. Например, в спецсообщении, в котором органы МГБ зафиксировали «антисоветские» высказывания упомянутого выше спецпоселенца С. А. Зиссера, ничего конкретного не сообщается о поведении его матери, хотя она была осуждена вместе с ним и приговорена к 10 годам заключения и 5 годам поражения в правах. В источнике фигурирует только следующая фраза: «Зиссер, [имя другого спецпоселенца] и связанные с ними лица, всего в количестве четырех человек, арестованы и привлекаются к уголовной ответственности»⁷.

Информация о типах контингентов спецпоселенцев была установлена в отношении 19 человек. Подавляющее большинство спецпоселенцев были депортированы из Литвы (5 человек) или Латвии (7 человек). С этих территорий проводились две крупные депортационные кампании. Первая – июньская депортация 1941 г., проведенная после вхождения прибалтийских стран в состав Советского Союза. Вторая кампания, т. н. операция «Прибой», была проведена в марте 1949 г. Как минимум 5 ссыльных были депортированы в 1941 г., как минимум 2 – в 1949 г. Следовательно, спецпоселенцы, высланные из Литвы и Латвии, были более склонны к проявлению протестного поведения в сравнении с другими спецконтингентами, а степень их лояльности не зависела от срока пребывания в ссылке. По два человека принадлежали к «ссыльнопоселенцам из Украины» (высылка 1941 г.), репатриантам и «немецким пособникам» (высылка 1945 г.), еще один спецпоселенец был представителем «свидетелей Иеговы» (высылка 1951 г.). Среди исследуемых спецпоселенцев нет представителей советских немцев и калмыков, хотя именно они являлись одними из самых массовых категорий депортантов в Томской области.

Принадлежность к спецконтингенту не всегда отражала национальность человека. Например, в состав «ссыльнопоселенцев из Латвии» часто входили не только латыши, но и евреи, литовцы, поляки и немцы. Согласно табл. 2⁸, протестное поведение было характерно для литовцев, латышей и немцев. Следовательно, подобный тип протестного поведения был свойственен лицам, депортированным из западных регионов, в основном из Прибалтики. Остальные спецпоселенцы были более лояльны и могли, по крайней мере внешне, придерживаться установленных правил.

Табл. 1. Возраст спецпоселенцев, обвиненных в «антисоветской» деятельности в 1953 г.

Tab. 1. Age of deportees accused of "anti-Soviet" activities in 1953

Возраст	1953		На момент депортации	
	Количество человек	%	Количество человек	%
до 10 лет	–	–	1	7,6
10–19 лет	–	–	2	15,4
20–29 лет	4	18,2	4	30,8
30–39 лет	7	31,8	2	15,4
40–49 лет	6	27,3	4	30,8
50–59 лет	3	13,6	–	–
60–69 лет	2	9,1	–	–
Всего	22	100	13	100

⁵ Интервью с Самуилом Зиссером (провел Аба Таратута в марте 2003 г.) // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Режим доступа: <http://nkvd.tomsk.ru/projects/posledniysvidetel/writings/zissersl/> (дата обращения: 15.10.2021).

⁶ Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 207–216, 225–230, 252–256, 262–266, 270–272, 310–315.

⁷ Там же. Л. 207–211.

⁸ Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 207–216, 225–230, 252–256, 262–266, 270–272, 310–315.

Табл. 2. Национальность спецпоселенцев, осуществлявших «анти-советскую» деятельность
Tab. 2. Nationality of the deportees charged with "anti-Soviet" activities

Национальность	Количество человек	%
Армяне	1	4
Евреи	3	12
Латыши	5	20
Литовцы	8	36
Молдаване	1	4
Немцы	5	20
Поляки	1	4
Турки	1	4
Всего	25	100

В Книге памяти фигурирует информация о профессии, образовании и партийной принадлежности спецпоселенцев. Хотя эти данные не являются репрезентативными, стоит отметить, что в анализируемую группу входят депортанты с различным уровнем образования (начальное, среднее, незаконченное высшее, высшее). Профессиональный состав рассматриваемой выборки также разнообразен (чернорабочий, токарь, кузнец, бухгалтер, инженер, врач и скрипач). Партийцев в рассматриваемой выборке обнаружено не было.

Формы протестного поведения и реакция властей

В исследуемых источниках названо три формы протеста депортантов:

- 1) отказ участвовать в траурных мероприятиях, проведенных в связи со смертью И. В. Сталина;
- 2) открытое выражение радости по поводу болезни или смерти вождя;
- 3) высказывание «антисоветских» суждений.

Первая форма представлена лишь одним случаем, который начальник Управления МГБ по Томской области Н. С. Великанов описал так: «6 марта 1953 года группа сектантов-иеговистов спецпоселенцев молдаван, работающих в Асиновской МТС, отказались от участия в траурном собрании, посвященном памяти Иосифа Виссарионовича Сталина. На неоднократные приглашения ссыльный Г., 1911 года рождения, в присутствии рабочих заявил: "На ваших собраниях нам делать нечего... Ваш бог умер, завтра другой умрет, а наш бог вечный. Мы только своему богу верим и надеемся, что кроме его никто не построит хорошей жизни". Г. в числе других участников антисоветской группы намечается нами в ближайшее время к аресту»⁹.

Спецпоселенец Г. действительно был арестован 23 марта 1953 г. по обвинению в «антисоветской» агитации и приговорен 5 июня 1953 г. к 25 годам исправительно-трудовых лагерей и пяти годам поражения в правах. Однако в октябре 1955 г. он был реабилитирован¹⁰. Представленная форма протеста была обусловлена религиозными мотивами. Догматы свидетелей Иеговы подразумевают отрицание земного правительства. По этой причине они не празднуют светские праздники, отказываются служить в армии, на государственной службе и т. д. Хотя первая форма протеста не носила массового характера, в ряде случаев значимость соблюдения правил своей веры могла оказываться для спецпоселенцев важнее, чем потенциальные риски, связанные с отказом от выполнения требований властей.

Вывод о том, что эта форма протеста не была массовой, подтверждается информацией о поведении правого населения, которая представлена в исследуемых спецсводках МГБ, – подобных данных в них не содержится. Об этом же свидетельствуют и собранные В. А. Козловым документы. Среди приведенных им случаев проявления протестных настроений назван только один, когда гражданин не только отказался пойти на поминальный митинг сам, но и препятствовал другим в осуществлении этого: «Пожилой заводской мастер с Верхней Волги, бывший член партии, прежде судимый по ст. 58, не пустил рабочих цеха на траурный митинг ("нужно работать, таких митингов будет еще много"), сказал сотруднице: "Не распускай нюни". В момент похорон вождя решил огласить приказ директора завода о распределении смен»¹¹.

Примером второй формы протестного поведения, демонстрирующего публичное празднование смерти И. В. Сталина, служит следующая цитата: «4 марта сего года на сборище спецпоселенцев литовцев, работающих в Тимирязевском леспромхозе, группа ссыльных: [Называются фамилии и годы рождения] с радостью восприняли весть о тяжелой болезни товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. При этом Ш. заявила: <... > "Ну, теперь он заболел и может быть ему придет конец". <... > Поддерживая ее измышления присутствовавшая С. ответила: <... > "очень хорошо, что у него парализовало речь, а то бы он перед смертью что-нибудь сказал на нашу шею". <... > Эти антисоветские выпады поддержал и спецпоселенец П., который пустился в пляс, заявляя: <... > "Хорошо, что так случилось, может быть он умрет". <... > После этого все присутствовавшие на сборище спецпоселенцы стали петь песни, в которых высказывали злобные антисоветские измышления по адресу Главы Советского Правительства, сопровождая их нецензурной бранью»¹². Спецпоселенка С. была арестована 1 апреля 1953 г. по обвинению в контрреволюционной

⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 225–226.

¹⁰ Боль людская... Т. 1. С. 319.

¹¹ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. / ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко. М.: Материк, 2005. С. 38.

¹² ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 252–253.

деятельности и 17 июня 1953 г. была приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирована она была только в марте 1990 г.¹³

Указанный пример является единственным упоминаемым в источниках случаем, когда спецпоселенцы публично выражали свою радость по поводу болезни И. В. Сталина. Чаще депортанты праздновали это событие в приватной обстановке. Так, в спецсообщениях приводится следующее высказывание спецпоселенки М.: «Вдруг сообщают о болезни вождя, от этих слов мне стало так хорошо на душе[,] и я просто не знала, как дошла до дома от радости. А когда сообщили о смерти [называет имя вождя], я пришла домой и никак не могла дождаться мужа. И вот П. [муж] пришел такой радостный, что мы все вместе заплакали от такой радости»¹⁴. Или другой спецпоселенец Р., литовец, 9 марта 1953 г. заявил, что «надо бы выпить за такие радостные события грамм по 200, особенно в 4 часа вечера [примерное время нападения нацистской армии на Советский Союз]»¹⁵. Следовательно, в подавляющем большинстве случаев депортанты продолжали применять выработанные годами адаптивные механизмы. По этой причине они редко позволяли себе публично выражать свои чувства и пытались скрыть их от посторонних глаз, хотя и не всегда успешно.

Третьей и наиболее распространенной формой протестного поведения было высказывание «антисоветских» суждений. В них затрагивалось три основные темы:

- 1) описание своей радости по поводу смерти И. В. Сталина и разьяснение причин своей ненависти к вождю;
- 2) высказывание предположений о том, как будет развиваться внутренняя политика;
- 3) прогнозирование изменений во внешней политике.

Первая тема затрагивается в 16 из 34 высказываний, при этом в 11 из них не объясняются причины ненависти к режиму, спецпоселенцы просто выражают свои положительные эмоции. В этом плане типичными примерами являются следующие суждения: «Люди плачут, а меня смех берет»¹⁶, «Узнав это все[,] плясали на одной ноге, и наше сердце чувствует [себя] веселее»¹⁷, «Слава богу [называет имя вождя и допускает по его адресу оскорбительное выражение] и Советская власть тоже скоро подойдет»¹⁸. Причины ненависти спецпоселенцев в целом логичны и связаны с тем, что в результате деятельности И. В. Сталина «столько

невинных людей попали в тюрьмы, дети умирали с голоду[,] и некому было подать кусок хлеба»¹⁹. Единственное, что в этой связи вызывает особый интерес – то, что депортанты обвиняют власть в проведении репрессий не столько в отношении своей национальной группы, сколько в отношении всего советского народа. Следовательно, общая трагедия не только объединяла представителей различных спецконтингентов, но и стирала грань между спецпоселенцами и нерепрессированным населением.

Поскольку смерть И. В. Сталина разрушила привычный порядок вещей, в своих суждениях спецпоселенцы активно высказывали предположения о своем будущем и будущем политической системы страны и пытались понять, закрутит ли новая власть гайки еще сильнее или же примет решение об их освобождении. Эта информация содержится в десяти суждениях.

В семи высказываниях прогноз позитивный: новая власть смягчит режим и позволит спецпоселенцам вернуться домой. Депортанты связывали ссылку непосредственно с личностью И. В. Сталина. Так, спецпоселенка-латышка К. заявила: «Еще один [оскорбительное выражение] умер... самый главный в Москве. После этого все дела пойдут по[-] другому, этот только держал нас здесь... Нам скоро нужно будет готовиться уехать на родину»²⁰. Или спецпоселенец-латыш М. в разговоре с другими ссыльными утверждал следующее: «Обратите внимание[,] какие изменения произошли в Правительстве – все это обнадеживает нас. Сами эти факты говорят в нашу пользу»²¹. Кроме того, по мнению ряда спецпоселенцев, одним из последствий смерти И. В. Сталина должна была стать ликвидация колхозной системы. Указанное предположение было высказано «немецким пособником» Т.: «Так, руководитель партии и правительства уже умер. Ничего, правительство все по[-] маленьку подойдет, потом для нас, братцы, будет лучше... колхозов не будет, каждый будет делать, что он хочет»²².

Пессимистические суждения спецпоселенцы высказывали значительно реже. Эту позицию, например, занял выше упоминаемый С. А. Зиссер, который, согласно данным МГБ, в разговоре с другим спецпоселенцем А. заявил следующее: «Нет, вот[,] увидите, что Маленков будет вести себя более вызывающе по отношению к великим державам, а внутри страны усилится террор и выселение людей из родных

¹³ Боль людская... Т. 3. С. 153.

¹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2) Л. 252–256.

¹⁵ Там же. Л. 310–315.

¹⁶ Там же. Л. 252–256

¹⁷ Там же. Л. 270–272.

¹⁸ Там же. Л. 310–315.

¹⁹ Там же. Л. 225–230.

²⁰ Там же. Л. 262–266.

²¹ Там же. Л. 310–315.

²² Там же. Л. 262–266.

мест»²³. С. А. Зиссер был уже на следующий день арестован и через три месяца был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей (наказание было заменено на 10 лет). В своем интервью 2003 г. он практически не рассказывает об обстоятельствах своего ареста. Память явно подводит 82-летнего спецпоселенца: он путает фактические обстоятельства по делу. Так, он сообщил, что его арест произошел в 1948–1949 гг., тогда как по данным МГБ и Книге памяти это случилось 9 марта 1953 г. В целом С. А. Зиссер описывает свою жизнь в ссылке как относительно счастливое время (хотя у него осталась глубокая обида на Советскую власть, и он воспринимает присоединение Латвии к СССР как оккупацию). По его мнению, в Сибири они «прекрасно жили, не очень легко, но все-таки неплохо». Особенно его радовал тот факт, что он не был мобилизован в армию, т. к. являлся в глазах власти «антисоветским элементом». В интервью С. А. Зиссер акцентирует внимание не на трудностях лагерной или ссыльной жизни (о голоде он упоминает как бы к слову), а на тех вещах, которые делали его счастливым (работа скрипачом в театре, знакомство с женой). Создается ощущение, что внешние условия не играли для него существенной роли: он практически не рассказывает про материальные и бытовые условия и не помнит ни одного важного политического события, ни имен руководителей страны. Так, бывший спецпоселенец сообщил, что после смерти И. С. Сталина к власти пришел какой-то человек с начинающейся на «К» фамилией, который прочитал какой-то доклад. При этом он подробно описывает обстоятельства встречи с женой, процесс изучения им русского языка, переезд в Иркутск после освобождения из лагеря. Так, вероятно, сработали защитные механизмы его психики, сохранившие в его памяти лишь те события, которые были связаны с его счастливой частной жизнью²⁴.

Спецпоселенцы большое внимание уделили оценке реакции новой власти на смерть вождя (шесть высказываний). По мнению депортантов, смерть И. В. Сталина была выгодна для нынешнего руководства, которое устало от репрессий и постоянных перестановок в высших эшелонах власти. Некоторые говорили и об убийстве вождя. Так, спецпоселенец В. высказал следующую мысль: «Кремль – место темное[,] там много творится. Стоило ввести в организм [называет имя вождя] препарат, вызывающий высокое кровяное давление[,] и он скончался, но никакие следы не покажут на злоумышленное умертвление»²⁵. Кроме того, два спецпоселенца выдвинули предположение, что смерть

И. В. Сталина приведет к усилению борьбы внутри элиты: «Я думаю, что произойдет еще что-нибудь – произойдет раскол»²⁶; «в Кремле образовалось два лагеря. Борьба за территорию, борьба между двумя лагерями в Кремле»²⁷.

Десять депортантов высказали мнение о скором обострении ситуации во внешней политике, шесть из них сообщили, что начнется война. При этом война воспринималась позитивно, в ее результате спецпоселенцы должны были непременно получить свободу. Роль державы-освободителя отдавалась Америке и другим капиталистическим западным странам, что выглядит вполне логично в условиях холодной войны. Литовец Ш. заявил: «Люди плачут, а меня смех берет. Все равно скоро будет война. Этот не сумеет руководить... Теперь американцы ждать не будут... А нам, как только услышим про войну, то надо бежать к американцам помогать их [советский народ] бить... Нам надо как-нибудь попасть к передовым линиям и перейти к американцам в плен... Для этого надо где-нибудь убить какого[-]нибудь русского и забрать его документы»²⁸. Еще трое человек хотя и придерживались точки зрения об обострении отношений между США и СССР, но не считали, что это приведет к войне. Последнее, десятое, суждение хорошо демонстрирует, насколько сильно было ожидание войны: любое сообщение в исполнении Левитана ассоциировалось у спецпоселенки М. с ее началом: «В среду 4 марта я... слышу около нашего магазина голос Левитана по радио, я обрадовалась, ну[,] думаю, война! И вдруг сообщают о болезни вождя»²⁹.

Миф о внешнем спасителе был характерен для сознания депортантов на протяжении всей истории спецпоселений. Роль освободителя отдавалась разным странам в зависимости от геополитической атмосферы. В начале 1930-х гг. по причине конфликта на КВЖД эта функция была возложена на Китай, а с началом войны – на Германию (немцы воспринимались как спасители как минимум до 1946–1947 гг.). С началом холодной войны спецпоселенцы стали связывать свое спасение с капиталистическими странами. Таким образом, свое освобождение депортанты связывали или с актом доброй воли новых правителей, или с военными действиями иностранных государств. Ни один спецпоселенец не высказал мысли, что свободу принесет, например, восстание народа.

В спецсводках названо два варианта дальнейшей судьбы протестантов. В первом случае в источниках указывается, что депортанты будут арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Эта информация была подтверждена данными Книг памяти (в отношении 5 из 7 рекомендованных

²³ Там же. А. 207–211.

²⁴ Интервью с Самуилом Зиссером...

²⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). А. 310–315.

²⁶ Там же. А. 225–230.

²⁷ Там же. А. 310–315.

²⁸ Там же. А. 252–256.

²⁹ Там же. А. 252–256.

к аресту человек был вынесен обвинительный приговор). Во втором случае служащие МГБ сообщали, что «в отношении данных спецпоселенцев проводятся мероприятия по вскрытию других фактов их антисоветской деятельности». В данном случае над спецпоселенцами устанавливался усиленный административный надзор. Информация о принятых в отношении депортантов санкциях представлена в табл. 3³⁰.

Табл. 3. Санкции, примененные по отношению к спецпоселенцам

Tab. 3. Sanctions applied to deportees

Категория	Количество человек	%
Не были арестованы	9	26,5
Были арестованы и осуждены, в том числе:	7	20,5
приговорены к 25 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах	2	5,9
приговорены к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах	3	8,8
нет данных	2	5,9
Нет данных	18	53,0
Всего	34	100

Примерно пятая часть депортантов получила жесткое наказание. К 25 годам исправительно-трудовых лагерей были приговорены С. А. Зиссер («антисоветская» беседа) и свидетель Иеговы Г. (отказ принимать участие в траурном митинге), к 10 годам – собеседник С. А. Зиссера. Арестованы были также трое публично выразивших свою радость литовцев. Наказание в виде 10 лет исправительно-трудовых лагерей получила латышка Б. Ее история не является типичной – «антисоветское» суждение высказал в школе ее сын, ученик 3 класса. Позже он признался, что повторял слова матери и ее друзей. В доме Б. был проведен обыск, в результате которого была найдена «антисоветская» литература³¹. Таким образом, спецпоселенцы получали жесткое уголовное наказание в случае, если их протестное поведение подтверждалось каким-либо действием (отказ

участвовать в собрании; публичное выражение радости; хранение запрещенной литературы). Единственное исключение – история С. А. Зиссера и его товарища. В остальных случаях спецпоселенцы за ведение «неправильных» бесед не арестовывались, даже если они велись в относительно публичном пространстве.

Заключение

Протестное поведение спецпоселенцев было пассивным, особенно в сравнении с поведением узников ГУЛАГа, встретивших смерть И. В. Сталина с большим энтузиазмом и регулярно поднимавших мятежи против режима в течение 1953–1955 гг. [21, с. 204–205; 22, с. 323; 23, с. 443–444]. Депортанты же не верили в возможность народного восстания. В этой связи можно согласиться с В. А. Козловым [19]: публичное выражение радости было не целенаправленным протестом, а иррациональной и не всегда контролируемой реакцией людей, забывших на время об осторожности. Эти действия не носили массового характера. В целом же спецпоселенцы приспособились к существующим правилам и научились имитировать свою лояльность к системе. Репрессивные акции марта 1953 г. не были инициированы центром. Напротив, представители высших эшелонов власти начали последовательно отказываться от прежних практик уже в первые дни после смерти И. В. Сталина. Была проведена реформа по объединению МВД и МГБ, созданы комиссии по рассмотрению особо важных политических дел и осуществлена амнистия [24, с. 21–22; 25, с. 127–128]. Однако смена курса не была четко доведена до местных властей, привыкших действовать в соответствии с исходящими из центра нормами. По этой причине весной 1953 г. они начали действовать на основе давно выработанного паттерна, в рамках которого любого, кто проявит нелояльность нынешней власти, следовало быстро выявлять и показательно наказывать.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Рабинович Р. Сквозь три строя. М.: Муза творчества, 2015. 520 с.
2. Chlevnjuk O. Stalin: Eine Biographie. München: Siedler Verlag, 2015. 592 S.
3. Kellmann K. Stalins langer Tod // Der Tod des Diktators: Ereignis und Erinnerung im 20. Jahrhundert / Hg. T. Großbölting, R. Schmidt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 100–106.
4. Medvedev R. Let history judge: the origins and consequences of Stalinism. N. Y.: Columbia University Press, 1989. 891 p.
5. Rubenstein J. The last days of Stalin. New Haven, London: Yale University Press, 2016. 271 p.
6. Ulam A. V. Stalin. The Man and his Era. Boston: Beacon Press, 1989. 760 p.
7. Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина: заговор Берия. Frankfurt/Main: Посев, Сор., 1976. 317 с.
8. Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 // Вопросы истории. 1996. № 5-6. С. 89–104.

³⁰ Составлено по: Боль людская... Т. 1–3; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 207–216, 225–230, 252–256, 262–266, 270–272, 310–315.

³¹ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 212–213.

9. Зезина М. Р. Шоковая терапия от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1996. № 2. С. 121–135.
10. Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти. М.-Берлин: Direkt-Media, 2019. 655 с.
11. Рейман М. Н. С. Хрущев и поворот 1953 года // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 165–168.
12. Куропаткин А. П. Новые направления в идеологической пропаганде в СССР после смерти И. В. Сталина // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3. С. 165–169.
13. Куропаткин А. П. Новые веяния в идеологической пропаганде СССР в первые месяцы после смерти Сталина (на материалах передач союзного вещания) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 99–101.
14. Зуляр Ю. А. 1953 год в истории Иркутского государственного университета // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 231–244. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-231-244>
15. Костяшов Ю. В. Идеологические кампании периода позднего сталинизма в колхозах Калининградской области: история повседневности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 12. С. 75–84.
16. Стариков Н. В. «Мартовский» стресс 1953 года и адаптационный синдром в СССР // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 1. С. 57–76. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2017-1-57-76>
17. Генина Е. С., Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И. В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 145–150.
18. Король В. Л. Смерть Сталина и реакция жителей Советской Беларуси // Белорусский исторический обзор. 2021. № 1. С. 183–198.
19. Козлов В. А. Сталин умер! // Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. / ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко. М.: Материк, 2005. С. 33–36.
20. Hua-yu Li. Reactions of Chinese citizens to the death of Stalin // Journal of Cold War Studies. 2009. № 2. P. 70–88.
21. Бердинских В. А. Вятлаг. Киров: Кировская областная типография, 1998. 320 с.
22. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 440 с.
23. Эпплабаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.
24. Артюков А. П., Рябов В. В. Преобразования в системе МВД СССР и пенитенциарной системе в марте-июне 1953 года (на материалах Куйбышевской области) // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 2. С. 17–22. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.2>
25. Лушин А. И., Калинин И. В. Трансформация органов государственной безопасности в период хрущевской «оттепели» // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19. № 2. С. 125–136. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.046.019.201902.125-136>

original article

"People are Crying, but I Can't Stop Laughing": Protest Reaction of the Deportees of Tomsk region to Joseph Stalin's Death

Olga V. Filippenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk; <https://orcid.org/0000-0001-9287-196X>; olga.kanyshkova@mail.ru

Received 16 Oct 2021. Accepted after peer review 8 Dec 2021. Accepted for publication 13 Dec 2021.

Abstract: The research featured special reports from the Tomsk Department of State Security about the “anti-Soviet” protest movement of Tomsk deportees in the first months after Joseph Stalin's death. The analysis revealed how the deportees adapted to the authority demands and imitated their loyalty to the system, even when the regime positions was clearly weakened. The author analyzed the sanctions imposed on the deportees and the behavior of the local punitive officials, who received no instructions from Moscow. Most likely, the “anti-Soviet” behavior was not so much a purposeful protest as an irrational reaction to such an extraordinary event as Joseph Stalin's death. The responsive actions of the Regional Department of State Security did not follow the new course of Soviet policy but rather the behavioral patterns formed during the Stalin era: violators were identified and punished severely and demonstratively.

Keywords: political deportees, ethnic deportations, late Stalinism, protest behavior

Citation: Filippenko O. V. "People are Crying, but I Can't Stop Laughing": Protest Reaction of the Deportees of Tomsk region to Joseph Stalin's Death. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 920–928. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-920-928>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Rabinovich R. *Through three regimes*. Moscow: Muza tvorchestva, 2015, 520. (In Russ.)
2. Chlevnjuk O. *Stalin: Eine Biographie*. München: Siedler Verlag, 2015, 592.
3. Kellmann K. Stalins langer Tod. *Der Tod des Diktators: Ereignis und Erinnerung im 20. Jahrhundert*, Hg. T. Großbölting, R. Schmidt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011, 100–106.
4. Medvedev R. *Let history judge: the origins and consequences of Stalinism*. N. Y.: Columbia University Press, 1989, 891.
5. Rubenstein J. *The last days of Stalin*. New Haven, London: Yale University Press, 2016, 271.
6. Ulam A. B. *Stalin. The Man and his Era*. Boston: Beacon Press, 1989, 760.
7. Avtorkhanov A. G. *The mystery of Stalin's death: Beria's conspiracy*. Frankfurt/Main: Posev, Cop., 1976, 317. (In Russ.)
8. Zhukov Yu. N. Struggle for power in the party and state leaders of the USSR in the spring of 1953. *Voprosy istorii*, 1996, (5–6): 89–104. (In Russ.)
9. Zezina M. R. Shock therapy in 1953–1956. *Otechestvennaia istoriia*, 1996, (2): 121–135. (In Russ.)
10. Pikhoya R. G. *Soviet Union: the history of power*. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2019, 655. (In Russ.)
11. Reiman M. N. S. Khrushchev and the turn of 1953. *Voprosy istorii*, 1997, (12): 165–168. (In Russ.)
12. Kuropatkin A. P. New directions in ideological propaganda in the USSR after I. V. Stalin death. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, 13(3): 165–169. (In Russ.)
13. Kuropatkin A. P. New trends in the ideological propaganda of the USSR in the first months after Stalin's death (based on the materials of the Union broadcasting). *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2010, (12): 99–101. (In Russ.)
14. Zulyar Yu. A. 1953 in the history of Irkutsk State University. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2020, 16(1): 231–244. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-231-244>
15. Kostyashov Yu. V. The ideological campaigns of the late Stalinism period at kolkhozes of the Kaliningrad region: everyday history. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2012, (12): 75–84. (In Russ.)
16. Starikov N. V. "The March stress" of 1953 and the syndrome of adaptation in the Soviet Union. *Novoe proshloe / The New Past*, 2017, (1): 57–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2017-1-57-76>
17. Genina E. S., Kolyazimova M. M. Ideological campaigns in the USSR in 1946–1953 connected with the image of J. V. Stalin (revealed by the example of Kemerovo region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-2): 145–150. (In Russ.)
18. Korol V. L. Stalin's death and the response of Soviet Belarus citizens. *Belorusskii istoricheskii obzor*, 2021, (1): 183–198. (In Russ.)
19. Kozlov V. A. Stalin is dead! Sedition. *Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev 1953–1982*, eds. Kozlov V. A., Mironenko S. V. Moscow: Materik, 2005, 33–36. (In Russ.)
20. Hua-yu Li. Reactions of Chinese citizens to the death of Stalin. *Journal of Cold War Studies*, 2009, (2): 70–88.
21. Berdinskikh V. A. *Vyatlag*. Kirov: Kirovskaia oblastnaia tipografiia, 1998, 320. (In Russ.)
22. Ivanova G. M. *History of the GULAG, 1918–1958: socio-economic, political and legal aspects*. Moscow: Nauka, 2006, 440. (In Russ.)
23. Applebaum A. *The Gulag. Web of the Great Terror*. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani, 2006, 608. (In Russ.)
24. Artyukov A. P., Ryabov V. V. Changes in the USSR Ministry of Internal and in penitentiary system in March-June 1953 (by the material of Kuybyshev region). *Manuscript*, 2020, 13(2): 17–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.2>
25. Lushin A. I., Kalinin I. V. Transformation of state security agencies in the period of the Khrushchev's thaw. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, 2019, 19(2): 125–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/2078-9823.046.019.201902.125-136>